

## Поход Мухаммед-Гирея I на Москву 1521 г. в свете критического анализа русских исторических источников

*Максим Шалак*

*Южный федеральный университет*

**Аннотация.** Немногим более 500 лет назад, летом 1521 г. крымский хан Мухаммед-Гирей совершил поход на Москву, положив тем самым начало почти 250-летнему противостоянию России и Крыма. Это противостояние закончилось поражением Крымского ханства и включением его в состав Российской империи. Однако до сих пор среди историков нет единства мнений по поводу оценок данного события. Тем более в свете политических событий последних лет. Ещё шире эта тема касается выстраивания русско-татарского культурного взаимодействия в плане выработки своего отношения на общую историю Восточной Европы. В представленной статье мы постараемся разобраться в этом через всесторонний анализ русских исторических источников летописного характера. Для достижения поставленной цели необходимо будет установить основной круг летописных источников, разбив его на самостоятельные группы по степени информативности. Также понадобится определить главные, с точки зрения объективности, нарративные традиции, в которых оценки и интерпретации похода татар на Москву в 1521 г. могут различаться между собой. В итоге будут выделены 3 основные традиции в освещении событий лета 1521 г. в русских исторических источниках летописного характера. К важнейшим летописным источникам по степени достоверности и объективности относятся Вологодско-Пермская и Воскресенская летописи, Постниковский и Владимирский летописцы. Наименее достоверными и тенденциозными являются Никоновская летопись и Степенная книга. Промежуточное положение между провиденциалистской и рационалистической историософской позицией занимают Львовская летопись и Хронограф редакции 1512 г.

**Ключевые слова:** Крымское ханство, Мухаммед-Гирей I, Московское государство, Василий III, русские летописные источники XVI в., русско-татарские отношения

**Для цитирования:** *Шалак М.Е.* Поход Мухаммед-Гирея I на Москву 1521 г. в свете критического анализа русских исторических источников // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10, № 1. С. 21–32. DOI: 10.22378/kio.2023.1.21-32

Актуальность представленной статьи не вызывает сомнения, поскольку, событию, изменившему кардинально расстановку сил в Восточной Европе в XVI в., не так давно исполнилось 500 лет. Этим событием стал поход крымского хана в самое сердце России – на Москву. Никогда ещё до этого Гиреи не осмеливались совершать столь дерзкие внешнеполитические акции. Поэтому обратить внимание на поход 1521 г. под руководством Мухаммед-Гирея представляется весьма актуальной темой. Однако целью настоящего исследования является не повторение уже хорошо известных событий полутысячелетней давности, а попытка определить наиболее информативные русские письменные источники летописного характера, а также основные концепции, сложившиеся в русской публицистической мысли XVI в. Данная цель может быть достигнута путем последовательного решения следующих задач: проанализировать основной круг летописных источников, содержащих информацию о походе Мухаммед-Гирея на Москву, а также выделить разные направления в историческом осмыслении произошедших событий 1521 г., исходя из их оценок и интерпретации.

Следует учитывать, что оценки тех или иных событий, как проявления человеческой субъективности, основываются на системе ценностей, общепринятых в конкретной социальной группе и играют в сфере исторического сознания одну из главных ролей. Эти оценки обуславливают, в частности, отношение индивида к прошлому и пережитому, к памяти о нем как к ценности. Поэтому система ценностей в структуре исторического сознания включает в себя как общепринятые моральные устои и идеалы, нравственные нормы, господствующие в конкретной социальной группе, так и субъективные, личностные оценки на происходящие события. В свою очередь эти личностные оценки зависят от общепринятых норм и личного, индивидуального исторического опыта, пережитого конкретным лицом, от конкретной психологии человека, от уровня его нравственного, этического и интеллектуального развития [10, с. 37]. Всё вышесказанное следует учитывать, анализируя оценки, которые давали русские летописцы описываемым событиям, и понимать, что в целом эти оценки были характерны для исторического сознания политической и интеллектуальной элиты русского общества XVI в.

Если говорить в целом, то все русские источники, в которых идет речь о походе Мухаммед-Гирея на Москву, можно разделить на 2 большие группы. Это произведения нарративного характера и документальные источники. Следует сразу сказать, что русские источники, повествующие о татарском походе 1521 г., являются самыми информативными, но в то же время и наиболее тенденциозными, по сравнению с иностранными источниками. К числу основных русских источников по нашей теме относятся

произведения летописного характера. Это прежде всего общерусские летописные своды первой половины XVI в., такие как Патриаршая или Никоновская летопись [3], Вологодско-Пермская летопись [7], Воскресенская летопись [2], Львовская летопись [4], а также примыкающие к традиции официального летописания Постниковский летописец [9], Владимирский летописец [8], Хронограф редакции 1512 года [6], Степенная книга [5].

В Никоновской летописи, первая часть которой была составлена около 1539–1542 г., повествованию о приходе крымского царя «Магмет-Кирея» предшествует сообщение об измене казанских князей, весной 1521 г. свергнувших ставленника Василия III «Шигалея» (Шах-Али) и взявших ханом крымского царевича «Сап-Гирея» (Сахиб-Гирея) [1, с. 39; 3, с. 37]. Кроме казанцев ещё одно «лукавство», по выражению летописца, совершает польский король. Находясь формально в мирных отношениях с Московским Великим княжеством, он отправляет на помощь Мухаммед-Гирею «таинственно» многое воинство. А ничего не подозревающий Василий III находился со всеми соседями в мире и его воинские люди «в своих областях безо опасения учрежахуся». И вот воспользовавшись этим «поганный» хан, по совету своего посла «беззаконного» Апака-мурзы, собрал свое «безбожное» воинство, а с ним литовцев, черкесов и ногайцев, которых он перед этим привел к покорности [3, с. 37].

Далее, в духе провиденциалистической историософии, летописец приводит описание чудесного видения некоему юродивому Василию, случившееся незадолго до прихода крымцев. Летописец не стесняется на характеристики Мухаммед-Гирея – он и «лукавнейший», и безбожный, и гордый, забыв клятву дружбы выступил предательски в поход. Интересно, что в числе участников похода летопись упоминает и Большую Орду Заволжскую (Запольскую), к 1521 г. уже не существовавшую [3, с. 38]. Возможно, здесь идет речь о Заволжской Ногайской Орде, тогда ещё не разделившейся на Большую и Малую Орды, хотя ногаев, как союзников Крыма, летописец упоминает отдельно.

Приход крымскотатарского войска Никоновская летопись датирует июлем 1521 г. [3, с. 37]. Оку Мухаммед-Гирей форсировал в районе Коломны – «Коломенские места повоевал». О разгроме русских береговых полков летопись ничего нам не сообщает, лишь обмолвись о том, что «грех ради наших, и множества христианства победиша и поплениша». Среди общего разорения сел и церквей летописец особо отмечает сожжение татарами Никольского монастыря на Угреше [3, с. 38]. О Василии III летопись говорит довольно сдержано. Когда окрестный народ стал собираться в Москву для защиты, великий князь выехал вместе с братьями из столицы на Волок, якобы для сбора полков, в особенности из Великого Новгорода. В оставленной князем столице, как, впрочем, и по всей Руси, люди соби-

раются на всеобщую молитву, после чего совершается ещё несколько чудес – видения слепой монахине Вознесенского монастыря [3, с. 39–41], вдовицам и другим москвичам [3, с. 41–42].

Уход крымского хана от Москвы также не обошелся без чудесного вмешательства сверхъестественных сил. Расположив свою ставку под Москвой, Мухаммед-Гирей отправляет к русской столице передовые татарские отряды, которые неожиданно встретили «бесчисленное множество русского воинства». Ужаснувшись, они бежали обратно к хану и рассказали об увиденном. Дальше, как в сказке, Мухаммед-Гирей отправляет новые отряды татар, не забыв обругать трусов. С этими происходит то же самое. Удивленный хан отправляет в третий раз уже посла «от ближних своих». Этот посол, придя в ужас от «несметного русского воинства», посоветовал хану немедленно бежать от Москвы. Тогда страх напал на Мухаммед-Гирея и на всё татарское войско, и побежали все из Руси, говоря между собой: «бежите, скоро бежите и не медлите, се бо Русь, яростию дышуща, женут нас, хотяще нас достигнути и победити!» [3, с. 43]. Даже прибежав в Крым, хан велел всем своим улусным людям, кочующим за пределами полуострова, срочно прийти к нему, ожидая вторжения русской рати. Так бесславно, по представлению летописца, закончился поход Мухаммед-Гирея на Москву. При этом он как бы вскользь всё же вынужден был сообщить, что татарам удалось увести с собой «русского плена много».

Таким образом, в этом летописном рассказе мы видим абсолютно провиденциалистское обоснование всех происходивших событий. Информативная ценность этого отрывка невелика, зато налицо предвзятое и необъективное освещение событий, с попыткой всеми доступными для тогдашнего книжника средствами превратить для читателя поражение Василия III в его победу. И надо признать, что это ему удалось.

В Вологодско-Пермской летописи, составленной между 1540–1550 гг., мы читаем тот же рассказ [1, с. 40; 7, с. 310–311]. Правда он короче, чем в Никоновской летописи и не содержит некоторых подробностей. В частности, в Вологодско-Пермской летописи отсутствует упоминание о «лукавстве» польского короля, нет в ней «безбожного» советника Апак-мурзы, не говорится об участии в походе Мухаммед-Гирея на Москву литовцев и черкесов.

Зато здесь прямо говорится, что крымский хан, перейдя Оку, разбил воевод Великого князя. При этом летописец перечисляет русских воевод, которые погибли в том бою: это князь Владимир Михайлович Курбский, Иван Андреевич Шереметев, Яков и Юрий Ивановичи Замятнины. Гибель четырех воевод свидетельствует о том, что сражение с крымцами было кровопролитным, а поражение тяжелым. В плен к татарам попал князь Федор Васильевич Лопата Телепнев-Оболенский. Очень важные сведения со-

держит Вологодско-Пермская летопись относительно охвата татарского разорения. Так, в летописи говорится, что татарами были «повоёваны» Коломенские, Каширские, Боровские и Владимирские места. В Подмосковье, кроме уже упомянутого Никольского монастыря, крымцы сожгли «любимое» село Василия III Остров, а в другом великокняжеском селе – Воробьево, «мед на погребях великого князя пили» [7, с. 311].

В это самое время, как пишет летописец, великий князь со своими братьями Юрием и Андреем находился в Микулине. Ни о каких ожиданиях сбора русских полков со стороны Василия летопись не говорит. Единственное, что отмечает летописец, так это то, что великий князь «зело» скорбел, плакал и на Бога уповал. Никаких чудес при этом Вологодско-Пермская летопись совершенно не упоминает. Напротив, летопись очень реалистична и детальна в своих описаниях, по сравнению с Никоновской. Так, летописец сообщает нам, что ставка крымского царя располагалась в 60 верстах от Москвы, в междуречье Северки и Лопасни. Простояв там 10 дней и собрав немалый полон, Мухаммед-Гирей двинулся обратно в Крым. По пути татары попытались взять Переяславль Рязанский, но наместник рязанский, воевода Иван Васильевич Хабар Образцов, сумел отбить неприятеля, и царь отошел от города «срамом посрамлен». При этом Иван Хабар сумел выкупить у крымцев за 700 рублей князя Ф.В. Лопату Оболенского [7, с. 311].

Таким образом мы видим совсем другую концепцию в изложении событий в Вологодско-Пермской летописи. Почти полное отсутствие провиденциалистских суждений при большом внимании к детализации описываемых событий. При этом летописец не пытается как-то реабилитировать полное бездействие Василия III и напротив, показывает нам очень умелые действия рязанского воеводы Ивана Хабарова. Следовательно, мы можем говорить о большей объективности и непредвзятости Вологодско-Пермской летописи в описании событий похода Мухаммед-Гирея на Москву, а также её информативной ценности по сравнению с тенденциозной и официальной Никоновской летописью.

Воскресенская летопись содержит довольно краткий рассказ о приходе крымского царя «Магмед Кирея» [1, с. 41; 2, с. 269]. В контексте изложения основных событий 1521 г. он во многом схож с рассказом, содержащимся в Никоновской летописи. Правда здесь нет никаких провиденциалистских вставок, описывающих различные чудеса накануне и во время похода. Единственное, чем отличается повествование Воскресенской летописи, так это объяснением причины ухода Мухаммед-Гирея. Летописец сообщает, что как только до крымского хана дошло известие, что Василий III собирает русские полки на Волоке, он решил вовремя ретироваться, «не дожидаясь великого князя сбрания» [2, с. 269].

Можно сделать вывод, что рассказ о походе Мухаммед-Гирея 1521 г. в Воскресенской летописи является по сути кратким пересказом рассказа из Никоновской летописи без упоминания различных «чудес» и «видений». Причину отступления крымского хана от Москвы летописец объясняет сугубо с рационалистической позиции. Также стоит отметить, что оценки великого князя Василия и «акаянного» Магмед Кирея летописец дает довольно сдержанные.

Рассказ в Львовской летописи, в первоначальной редакции доходившей до 1533 г., а позднее продолженной до 1560 г., полностью повторяет рассказ Воскресенской летописи [1, с. 41; 4, с. 401–402]. Это объясняется тем, что основой для Воскресенской, Львовской и Никоновской летописей послужил Московский свод 1533 [1, с. 41]. Отсюда вытекают тенденциозность и официальность в подаче исторического материала данными летописями.

Далее следует обратиться к русским памятникам, примыкающим к традиции официального летописания. В первую очередь это так называемый Постниковский летописец, составленный ок. 1547 г. дьяком Постником Губиным [1, с. 41]. К уже известной нам версии Московского свода этот летописец добавляет интересные детали. Так, в Постниковском летописце впервые появляется точная дата прихода Мухаммед-Гирея на Русь – 28 июля [9, с. 13]. При этом разгром русского войска и гибель 4 воевод Постниковский летописец почему-то относит ко времени, предшествующему собственно переправе крымского войска через Оку, что явно не верно. А уже переправившись через реку татары принялись воевать «коломенские места» и тут же поймали раненного князя Федора Лопату Оболенского. Говорит летописец и о месте, где расположил свою ставку крымский хан – «на Коломне на Северке». Правда, в отличие от Вологодско-Пермской летописи, простоял здесь хан не 10 дней, а 2 недели. Ещё одна деталь отличает рассказ Постниковского летописца от того, что мы уже читали. Здесь впервые упоминается сын Мухаммед-Гирея – «Салтан богатырь» (Бахадыр-Гирей), который непосредственно подошел с татарскими отрядами к Москве.

Собрав бесчисленный полон из людей и скота, татары двинулись назад, уничтожив попутно каширский посад. В это время великий князь Василий «зело оскорбившуся ... и ... о беде въсплакавшу и .....отмщение ему на бога возложившю» вышел из Москвы на Волок собирать полки. Узнав об этом, Мухаммед-Гирей уходит, «полны крови крестьяньскими» [9, с. 14]. То есть, мы видим тот же самый образ смиренного и кроткого Василия III, заимствованный из официальной летописной версии, в противоположность коварному клятвопреступнику, безбожнику и «кровопийце» Мухаммед-Гирею.

Таким образом, Постниковский летописец в целом повторяет распространенную версию Московского летописного свода с деталями, взятыми из Вологодско-Пермской летописи. Но в то же время этот летописец сообщает нам ряд уникальных сведений, позволяющих полнее реконструировать события похода Мухаммед-Гирея на Москву в 1521 г.

Владимирский летописец был составлен около 1523 г. лицом, близким к митрополичьему двору [1, с. 42]. Рассказ о походе «Ахмут Кырия» на Москву в этом источнике изобилует рядом подробностей, которых мы не видели в предыдущих источниках. В частности, здесь говорится, что крымское войско подошло к Оке в субботу, 27 июля 1521 г. А уже на следующий день, «в неделю», татары переправились через Оку, разгромили русскую заставу и «поймали» воеводу князя Федора Лопату. В понедельник люди стали собираться в Москву «в осаду», ожидая скорого прихода крымцев. И тогда же, 29 июля, великий князь покинул Москву и отправился на Волок Ламский. Известны автору летописца и такие детали, которые выдают в нем явного очевидца событий. Так, упоминая об уже известном нам из других летописных рассказов сожжении Никольского монастыря на Угреши, Владимирский летописец замечает, что «у церкви у каменной вверх завалился» [8, с. 145]. Всё это заставляет нас доверять рассказу этого источника как наиболее достоверному.

Сообщает летописец и ещё одну важную информацию о том, что в осаде находились все города Московские, а не только собственно столица и Переяславль Рязанский. Дальше следует ещё ряд уточнений, которых мы не видели в предшествующих летописных рассказах. На речке Сиверке хан стоял только 6 дней (а не 10 или 14), а на 7 день, в воскресенье, перешел Оку обратно, якобы прослышав, что великий князь послал против татар военную силу. За Окой Мухаммед-Гирей ещё простоял 1 неделю, «а всего того был 2 недели» [8, с. 145]. Ещё очень интересные подробности сообщает нам Владимирский летописец относительно физического состояния князя Федора Лопаты Оболенского, выкупленного у татар рязанским наместником Иваном Хабаром Образцовым: «велми стрелян и сечен, замертва купил» [8, с. 145].

Завершает свой короткий, но весьма детализированный, рассказ о приходе крымцев Владимирский летописец известием, что в целом Москва находилась в осаде 2 недели. То есть с 29 июля по 12 августа. И только 20 августа, когда татарская угроза полностью миновала, в Москву вернулся великий князь Василий III. Таким образом, симпатии автора Владимирского летописца явно не на стороне московского князя.

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что автор Владимирского летописца являлся либо непосредственным свидетелем описываемых событий, либо получал информацию, что называется, из первых рук.

Его рассказ о походе Мухаммед-Гирея на Москву хоть и не большой, зато изобилует очень важными деталями, позволяющими ещё подробнее реконструировать этот исторический факт. Поэтому мы можем с большой степенью уверенности доверять информации этого исторического источника.

В Хронографе редакции 1512 г., в приложении, содержится краткий рассказ об интересующих нас событиях. Однако, скорее всего, он был записан гораздо позже самого похода. На это указывает ряд обстоятельств. Во-первых, поход крымского царя на Москву датируется 1523 г. (7031). Во-вторых, хан не назван по имени, а просто сказано: «Миньгиреев сын». В-третьих, согласно Хронографу, крымцы дошли до Коломны, что абсолютно не верно, так как в районе Коломны они как-раз форсировали Оку. Ну и в-четвертых, уход Мухаммед-Гирея объясняется автором рассказа исключительно вмешательством божественных сил: «по Божией милости ... прииде на него страх и побеже» [6, с. 463].

В другом приложении к Хронографу 1512 г. мы ещё раз встречаем рассказ о походе Мухаммед-Гирея на Москву, но он уже гораздо ближе к версии официального московского летописания. Есть здесь и уникальные данные, отличающие этот рассказ Хронографа от всех уже изученных нами. Так, в перечислении союзников Мухаммед-Гирея, выступивших с ним на Москву, вместо Большой Орды, о которой постоянно говорилось в летописях, составленных на основе Московского свода, говорится об Орде Заволжской, Ногайской. Впервые, из рассмотренных нами источников, упоминается предводитель отряда литовских людей – «Осташ Дашкав сын» (Остап Дашкевич) [6, с. 518]. Впервые в Хронографе говорится и о военных действиях казанского хана и родного брата крымского царя – «Сап-Гирея» (Сахиб-Гирея). Сказано, что приходил в это же время казанский царь на Муромские места и Мещерские.

Содержит Хронограф 1512 г. ещё и третий рассказ о приходе крымских татар на Москву. В этом рассказе впервые приводится число крымского войска вместе с союзными ногаями – «всех быти их 100 000 и 20 000 безбожных Агарян» [6, с. 538]. Цифра явно завышенная, но показывающая нам представления русских современников о разрушительной силе набега, отложившейся в историческом сознании. Но отмщение Мухаммед-Гирей получил от ногаев, которые убили его в Астрахани вместе с сыном, «проклятым Мамаем», и прочими врагами – крымскими татарами. Здесь явно автор перепутал сына Мухаммед-Гирея, калгу Бахадыр-Гирея, погибшего вместе с отцом под Астраханью в 1523 г., с их убийцей, ногайским бием Мамаем.

Таким образом, несмотря на то что рассказы из Хронографа о приходе крымских татар на Москву в 1521 г. содержат много ошибок и неточностей, в целом повторяя версию официального московского летописания,



они дают нам некоторый фактический материал для уточнения изучаемых исторических событий.

В н. 60-х гг. XVI в. была создана Степенная книга, для составления которой широко привлекалось официальное летописание. В текст этого источника был включен ряд самостоятельных произведений, в том числе Повесть о нашествии Мухаммед-Гирея 1521 г. [1, с. 43]. По сути, эта Повесть повторяет дословно рассказ, содержащийся в Никоновской летописи [5, с. 598–603]. Ничего нового к уже имеющийся у нас информации рассказ, содержащийся в Степенной книге, не дает. Стоит только отметить его тенденциозность, предвзятость и провиденциализм в описании интересующих нас событий.

Подводя итог, мы можем выделить 3 группы летописных источников по степени достоверности и объективности в изложении информации. К первой группе источников относятся летописи, содержащие официальную точку зрения на происходящие события и старающиеся объяснить их причины с точки зрения провиденциалистской историософии. Для концепции, содержащейся в них, характерны следующие черты: замалчивание неудач русского воинства, попытка всячески оправдать бегство из Москвы великого князя Василия III, уничижительные оценки крымского хана и татар, малая степень информативности и попытка объяснения происходящего через вмешательство потусторонних сил. К этой группе источников относятся Никоновская летопись и Степенная книга.

Ко второй группе относятся летописные источники, в которых нашла отражение совсем другая концепция изложения событий. Её характерными чертами будут почти полное отсутствие провиденциалистских суждений при большом внимании к детализации описываемых событий. Они наиболее информативны и почти не содержат попыток как-то реабилитировать полное бездействие великого князя, и напротив, показывают нам решительные действия русских воевод, таких как Иван Хабар. Оценки татар и самого Мухаммед-Гирея здесь более сдержаны и вообще налицо попытка с рационалистических позиций освещать происходящие исторические события. Сюда мы можем отнести Вологодско-Пермскую и Воскресенскую летописи, Постниковский и Владимирский летописцы.

Ну и наконец к третьей группе летописных источников можно отнести Львовскую летопись и Хронограф редакции 1512 г., в которых отражена промежуточная позиция между провиденциалистской и рационалистической картиной видения хода исторического процесса.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Изд-во «Мысль», 1972. 452 с.
2. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 8. Воскресенская летопись (продолжение летописи по Воскресенскому списку). СПб.: Типография Э. Праца, 1859. 310 с.
3. ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
4. ПСРЛ. Т. 20. 1-я половина. Львовская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. С. I–IV, 1–418.
5. ПСРЛ. Т. 21. 2-я половина. Книга Степенная царского родословия. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. С. 343–708.
6. ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 года. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1911. 578 с.
7. ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 412 с.
8. ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. М.: Наука, 1955. С. 7–146.
9. ПСРЛ. Т. 34. Постниковский летописец. М.: Наука, 1978. С. 8–30.
10. Шалак М.Е. Смутное время в оценках русских современников и историческое сознание российского общества XVII века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2004. №1 (125). С. 36–40.

**Сведения об авторе:** Шалак Максим Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и методики преподавания истории и обществознания Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет (344006, ул. Б. Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, Российская Федерация); [shemjchich@mail.ru](mailto:shemjchich@mail.ru)

## **The campaign of Muhammad Giray I to Moscow in 1521 in the light of a critical analysis of Russian historical sources**

*Maxim Shalak*

*Southern Federal University*

**Abstract.** A little more than 500 years ago, in the summer of 1521, the Crimean Khan Muhammad-Giray made a campaign against Moscow, thus marking the beginning of almost 250 years of confrontation between Russia and Crimea. This confrontation

ended with the defeat of the Crimean Khanate and its incorporation into the Russian Empire. However, there is still no consensus among historians about the assessments of this event. Especially in light of the political events of recent years. Even more broadly, this topic concerns the building of Russian-Tatar cultural interaction in terms of developing their attitude to the common history of Eastern Europe. In the article presented, we will try to understand this through a comprehensive analysis of Russian historical sources of a chronicle nature. To achieve this goal, it will be necessary to establish the main circle of chronicle sources, dividing it into independent groups according to the degree of informativeness. It will also be necessary to identify the main narrative traditions, from the point of view of objectivity, in which the assessments and interpretations of the Tatars' march on Moscow in 1521 may differ from each other. As a result, 3 main traditions in the coverage of the events of the summer of 1521 will be highlighted. in Russian historical sources of a chronicle nature. The most important chronicle sources in terms of reliability and objectivity include the Vologda-Perm and Resurrection chronicles, Postnikovskiy and Vladimir chronicles. The least reliable and tendentious are the Nikon Chronicle and the Power Book. An intermediate position between the providentialist and rationalist historiographical position is occupied by the Lviv Chronicle and the Chronograph of the edition of 1512.

**Keywords:** The Crimean Khanate, Muhammad-Giray I, the Moscow state, Vasily III, Russian chronicle sources of the 16th century, Russian-Tatar relations

**For citation:** Shalak M.E. The campaign of Muhammad Giray I to Moscow in 1521 in the light of a critical analysis of Russian historical sources. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2023, vol. 10, no. 1, pp. 21–32. DOI: 10.22378/kio.2023.1.21-32 (In Russian)

## REFERENCES

1. Zimin A.A. Rossiya na poroge novogo vremeni (oчерki politicheskoi istorii Rossii pervoi treti XVI v.) [Russia on the threshold of a New Time (essays on the political history of Russia in the first third of the XVI century)]. Moscow: Mysl, 1972. 452 p. (In Russian)
2. Polnoe sobranie russkikh letopisei (PSRL). Voskresenskaya letopis' (prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku) [Complete collection of Russian chronicles (PSRL). Vol. 8. The Resurrection Chronicle (continuation of the chronicle according to the Resurrection List)]. St. Petersburg: Tipografiya E. Pratsa, 1859. 310 p. (In Russian)
3. Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 13. Part. 1. Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis' [The printing house of I.N. Skorohodov, 1904. 302 p.] (In Russian)
4. Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 20. 1-ya polovina. L'vovskaya letopis' [Lviv chronicle]. St. Petersburg: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1910. P. I–IV, 1–418. (In Russian)

5. Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 21. 2-ya polovina. Kniga Stepennaya tsarskogo rodosloviya [The Sedate book of the royal genealogy]. St. Petersburg: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1913, pp. 343–708. (In Russian)
6. Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 22. Part. 1. Khronograf redaktsii 1512 goda [Chronograph edition of 1512]. St. Petersburg: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1911. 578 p.
7. Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 26. Vologodsko-Permskaya letopis' [Vologda-Perm chronicle]. Moscow-Leningrad: Academy of sciences of the USSR Publ., 1959. 412 p.
8. Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 30. Vladimirskaia letopisets [Vladimir chronicler]. Moscow: Nauka, 1955, pp. 7–146. (In Russian)
9. Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 34. Postnikovskii letopisets [PSRL. Vol. 34. Postnikovskiy chronicler]. Moscow: Nauka, 1978, pp. 8–30. (In Russian)
10. Shalak M.E. Smutnoe vremya v otsenkakh russkikh sovremennikov i istoricheskoe soznanie rossiyskogo obshchestva XVII veka [The Time of Troubles in the assessments of Russian contemporaries and the historical consciousness of Russian society of the XVII century]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki – News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences, 2004, no. 1 (125), pp. 36–40. (In Russian)

**About the author:** Maxim E. Shalak – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Special Historical Disciplines and Methods of Teaching History and Social Science of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (344006, Bolshaya Sadovaya Str., 105/42, Rostov-on-Don, Russian Federation); shemjchich@mail.ru